

Невилл и Рон уставились на подругу.

"Хотя... готова признать, что он довольно большой придурок". Она поправилась.

"Скорее, самый большой придурок в замке", - пробормотал Рон.

"Он был очень полезен, и да, я знаю, что каким-то образом он что-то получил от этого. Но он выполнил свои обещания, он позаботился о том, чтобы первая встреча была безопасной, и предоставил нам доступ в, возможно, самую мощную магическую комнату во всем Хогвартсе, ничего не требуя взамен. Как после всего этого можно не отнестись к нему с пониманием? Если бы он действительно хотел нас надуть, он бы уже это сделал".

"Если только он не играет в долгую игру", - мрачно заметил Рон, и Невилл не мог не согласиться с ним.

"Он Слизеринец, Гермиона!" - рявкнул Сириус, и на секунду его взгляд стал таким же затравленным, как и при первой встрече. "Ты не понимаешь. Насколько я знаю, он мог быть самым лучшим парнем до приезда в Хогвартс. Но Слизерин меняет тебя, характер гниет до основания, пока тебя не узнает даже твоя семья! И после всего, что я видел от него, всего, что ты мне рассказала, и того, что он сделал с Ремусом..."

Сириус поперхнулся. "Ты можешь из кожи вон лезть, пытаешься изменить его, спасти, но он - змея. Он всегда будет змеей. И если вы трое не будете прикрывать свои спины, он без колебаний нападет".

"Профессор Люпин", - взмолилась Гермиона, ища хоть кого-то, кто мог бы поддержать ее.

"Мне жаль", - холодно сказал Ремус, его голос не был похож на тот, что она слышала раньше. "Но если вам нужно сочувствие к Гарри Поттеру, то у меня вы его не найдете".

Коридор в подземельях

16 октября 1995 года

8:45 вечера.

Коридор был пуст, когда Гарри вошёл в него, но треск от огня в факелах наверху был достаточно громким, чтобы он мог слышать, как он пробирается по нему. Это было странно: Гарри не мог вспомнить, когда в последний раз он гулял один, без Снейпа или другого учителя, который поневоле выступал в роли сопровождающего.

Он начал замечать это два дня назад, сразу после тренировки по квиддичу. Учителя постепенно перестали заботиться о воспитательных декретах Амбридж. Гарри не мог их винить: в конце концов, Хогвартс превратился в ад не только для учеников.

Для учителей это была лишняя работа, причем бесполезная. Честно говоря, было удивительно, что они не начали нарушать вновь введенные правила еще в начале месяца. Даже самые строгие учителя, такие как МакГонагалл, и те, кому просто нравилось мучить учеников, как Снейп, начали игнорировать Указы о воспитании.

Но только когда Амбридж не было рядом.

А ее, ярко-розовое пятно, которое, казалось, бродило по всему замку просто так, никогда ничего не упускало, ей было мало. Ей нравилось наказывать учеников, заставляя их

предаваться своим садистским фантазиям, когда они резали себя ночь за ночью. Неважно, что ты сделал, тяжесть твоего преступления не влияла на наказание, только срок. Будь то день, неделя, месяц или целый год, вам не избежать ее кровавого пера.

Но в итоге это оказалось ее ошибкой. Каждый день она оставалась в своем кабинете ровно на три часа. Три часа, когда она не могла шпионить за всеми, когда она, казалось, даже не обращала внимания на портреты своих котов, расположенные по всему замку. Три часа, когда они могли делать все, что хотели.

Он не думал, что кто-то еще заметил это, люди были не так наблюдательны, как им казалось. Исключения, конечно, были: Паркинсон и Гринграсс заметили, Монтегю тоже, и даже другие семикурсники из Рейвенкло и Гриффиндора. Прошла примерно неделя, прежде чем это заметили остальные обитатели замка.

Внезапно Гарри остановился на месте. Комната казалась чуть более тусклой, чем раньше, и на мгновение ему показалось, что он что-то услышал. Но теперь было слишком тихо. Он положил руку на кобуру, но палочку не достал. В поисках чего-нибудь необычного он наткнулся лишь на храпящие портреты и странные статуи в коридорах.

Отсутствие чего бы то ни было лишь усиливало его паранойю.

Он раскрыл ладонь и достал палочку из кобуры, которую купил летом перед четвертым курсом.

Она стоила недешево, на нее ушла большая часть денег, которые он заработал на написании эссе, но ее характеристики были слишком хороши, чтобы упустить их. Она была полностью сделана из кожи дракона, а его магические свойства позволяли доставать палочку только владельцу. Кроме того, на нее было наложено несколько заклинаний, позволяющих вызывать ее одним жестом руки.

Практически неразрушимая и совершенно невидимая для любого противодействия, зачарования, сглаза, приворота или любой другой магии, которую только можно себе представить. Но самое главное – новая кобура была невидима для любого сканирования Министерства – что было крайне важно, учитывая, насколько незаконно он теперь иногда действовал.

Это был первый раз, когда он покупал что-то в Косом переулке, но точно не последний.

Гарри беззвучно произнёс заклинание раскрытия человеческой сущности, держа палочку направленной в землю, а лицо – как можно более безучастным. Все это время он оглядывался по сторонам, заметив три красных силуэта. Это были крупные фигуры, скорее всего, шести- или семикурсники. Две стояли позади него и одна перед ним, готовые к прыжку.

Идиоты не узнали, как на них обрушилось заклинание поиска.

"Привет", – заикаясь, произнёс Гарри, вкладывая в голос как можно больше страха. "Привет".

Никто не ответил, и он громко сглотнул, прежде чем убрать палочку обратно в кобуру – на случай, если те двое сзади решат на него посмотреть. Постояв еще немного, он снова начал идти.

Тот, кто шел впереди, должен был первым сделать шаг, предупредив двоих сзади, чтобы они вышли и окружили его. В противном случае построение было бы бесполезным, и все трое с самого начала шли бы с одной стороны. Поэтому, когда Гарри увидел, что первая фигура движется, и её шаги громко и отчётливо слышны во всём коридоре, он сделал свой ход.

Он крутанулся на месте, достал из кобуры свою палочку, встал на колени и прицелился в

парня слева. "Редукто!" Семикурсник, которого он теперь узнал как Пьюси, упал на землю, закричав от боли, держась за разбитое колено.

Гарри видел, как из раны хлещет кровь, как кусок кости выгибается назад и полностью торчит наружу. Жалобные крики и хныканье Пьюси заполнили коридор, а остальные в шоке смотрели на него.

Но когда он вспомнил похожую ночь, когда именно он кричал от боли, чувство жалости и стыда полностью покинуло Гарри.

Воспользовавшись шоком и страхом остальных, он направил свою палочку на Роула.
"Диффиндо! Ступефай!"

Разрывные чары разорвали его одежду, оставив большую рану на правой руке, когда он потерял хватку, и палочка шмякнулась на землю. Но прежде чем он успел вскрикнуть от боли, оглушающие чары Гарри отправили его в полет через весь зал, причем достаточно мощный, чтобы он врезался в один из доспехов.

Зная, что эта атака выведет Уоррингтона из шокового состояния, он быстро обернулся. Семикурсник нацелил на него свою палочку, на его лице появилось разъяренное выражение, и он пытался скрыть свой страх.

Все вокруг вдруг стало невероятно медленным. Он почувствовал, как его тело полностью развернулось, и его палочка поднялась прямо на Уоррингтона, когда старший мальчик открыл рот, а его палочка задрожала в руке.

"АВАДА..."

"КОНФРИНГО!"

Огненно-оранжевая вспышка пересекла коридор прежде, чем Уоррингтон успел произнести убийственное проклятие. Оно ударило его прямо по ногам, его мантии загорелись, и его с силой отбросило назад так, что он ударился об один из факелов на стене, а затем рухнул на пол. Он стал кататься по земле, пытаясь погасить огонь, который сжигал нижнюю часть его мантии.

Лев внутри него зарычал от ярости, когда понял, какое проклятие едва не вырвалось из уст Уоррингтона. Он начал подходить к нему, сжимая свою палочку с такой силой, что казалось, она может сломаться.

<http://tl.rulate.ru/book/100416/3440065>